

И.В. Асеев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aseev@archaeology.nsc.ru*

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ В УСТЬЕ РЕКИ ЭЛЬГЕН КАК ОТРАЖЕНИЕ ШАМАНИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИОЛЬХОНЬЯ

Введение

Как определенное мировоззрение, возникшее в первобытном обществе, шаманизм был тесно связан с общественным и семейным бытом, выражая в “вульгарной”, т.е. упрощенной, форме развитие жизни. Чтобы понять, насколько актуально его изучение для историков, этнографов, фольклористов, достаточно обратиться к указателю литературы “Бурятский шаманизм”, составленному исследователями этой религии Т.М. Михайловым и П.П. Хороших, в котором насчитывается более 500 названий [1973]. Основой для написания многих работ послужили археолого-этнографические материалы.

Одним из источников для изучения религиозных воззрений прибайкальцев в эпохи камня и металла являются погребальные обряды и произведения искусства, в т.ч. предметы мелкой пластики из погребений и со стоянок, в семантическом плане находящие объяснение в этнографических сведениях. Но наиболее ярко духовный мир древнего населения Прибайкалья, связанный с религией, и в частности с шаманизмом, проявился в петроглифах, распространенных на прибрежных скалах Ангары, Лены, Байкала. Их изучению посвящено много работ, в которых рассматриваются проблемы хронологии и семантики, выясняется связь с местным шаманским фольклором, прослеживается определенная преемственность между древним и современным населением Прибайкалья [Окладников, 1959, 1964, 1972, 1974, 1977; Окладников, Запорожская, 1959, 1972].

За последние годы археологических исследований в регионе выявлен еще один тип памятников – объекты религиозного характера, имеющие сходство с погребальными сооружениями и находящие аналогии в петроглифах и этнографических материалах. Но в силу своей малочисленности они слабо изучены. Поэтому каждая новая находка культового характера представляет большой научный интерес.

Предлагаемая статья посвящена анализу именно таких объектов, обнаруженных на неолитической стоянке Эльген, – жертвеннику и святилищу.

Культовые объекты и их этнографические параллели

Стоянка расположена на берегу Байкала в 4 км к востоку от с. Большое Кочериково на первой надпойменной террасе в устье р. Эльген. Памятник открыт А.П. Окладниковым в 1978 г. В 1979–1982 гг. под его общим руководством сотрудниками Саянского отряда Североазиатской археологической экспедиции ИИФФ СО АН СССР и студентами исторического факультета Иркутского государственного педагогического института на стоянке проводились раскопки. Их результаты в сжатом виде опубликованы в монографической работе А.К. Конопацкого [1982, с. 27–30]. Памятник уникален по содержанию специфических орудий, указывающих на существование здесь мастерской по массовому изготовлению топоров с ушками и выемчатых мотыг из кремневых

и сланцевых пород. Экспериментально-трассологические исследования, проведенные П.В. Волковым, подтвердили одно из ранее выдвинутых исследователями предположений относительно назначения этих орудий: они использовались преимущественно для выдалбливания прорубей при подледном промысле ихтиофауны на водоемах, и в частности на Байкале [Волков, 1986; Асеев, 2001].

Раскопки стоянки возобновились в 2002 г. При этом выяснилось, что материалы нижнего уровня культурных отложений, представленные в основном микропластинчатой индустрией, относятся к мезолиту. В заполнении на уровне 35–45 см и глубже (незначительные перепады рельефа) практически отсутствует керамика, но встречаются каменные рубила из галек, характерные для эпохи палеолита [Асеев, 2003б].

В 2003 г. ниже по склону первой надпойменной террасы в 27 м к юго-востоку от исследуемой неолитической стоянки по направлению к прибойной линии Байкала был заложен разведочный раскоп. Он пришелся на кольцевую кладку из галечника, которая располагалась между гнейсогранитной глыбой ок. 2 м длиной и 60 см шириной, лежащей плашмя с ее южной стороны, и коренными выходами скальной породы – с северной. Характер кладки не вызывает сомнения в ее искусственном происхождении. Она напоминает надмогильные сооружения серовской культуры, относимой исследователями к 5,5–4,5 тыс. л.н. Погребения с аналогичными кладками известны из раскопок прошлых лет [Окладников, 1950, с. 191–354; Горюнова, 1997, с. 99]. Большой диаметр кладки (С–Ю) составляет 2,7 м, меньший (В–З) – 1,7 м. При ее зачистке в дерновом и поддерновом слоях (глубина до 25 см) найдена серия разнообразных орудий из

кремня и кварцита: режущие инструменты на крупных сколах, тесла из галек со шлифованными овальными лезвиями, торцовый и клиновидный нуклеусы, треугольный в плане с вогнутой базой наконечник стрелы, проколка, ножевидные пластины и микропластины, роговой отжимник. Также обнаружены фрагменты керамики с различным орнаментом и без него, несколько обломков кальцинированных костей, два скола и три отщепы серой кремнистой породы. Под кладкой на глубину 70 см шел материковый слой дресвы и суглинка светло-охристого цвета. Могильного пятна или каких-либо других искусственных включений в материк не прослежено.

Вещевой комплекс представлен разнообразными орудиями специфического назначения практически без отходов производства, что свидетельствует о преднамеренном его размещении в определенном месте: на кенотафе или жертвеннике в форме надмогильной кладки. По типологии артефактов объект относится к эпохе развитого неолита [Асеев, 2003а].

Близкий по специфике памятник был открыт в 2004 г. при продолжении раскопок неолитической стоянки, расположенной рядом с жертвенником. На площади 16 м² вскрыты культуросодержащие слои, насыщенные значительным количеством ножевидных пластин и микропластин, отщепов, скребков; клиновидных, торцовых и призматических нуклеусов; фрагментов керамики с орнаментом и без него. Кроме того, найдено несколько массивных топоров с ушками и мотыг с перехватом, которые, как принято считать, относятся к китойской археологической культуре.

В процессе раскопок на глубине 30–35 см от дневной поверхности в слое светло-охристой супеси выявлена кладка из горизонтально уложенных плит скальной породы. В плане она вытянуто-овальная, длиной ок. 2 м и шириной посередине 70 см (рис. 1). Под ней на глубине 20–25 см в западной половине могильного котлована находилась вторая кладка (рис. 2). В центральной части на уровне этой кладки выявлена группа артефактов из окатанных галек. На переднем плане находился сегмент плоской гальки, поставленный на ребро скола (рис. 2, Д). За ним по линии север – юг лежали две хорошо окатанные шаровидные гальки светло-серой мраморовидной породы (рис. 2, Б, В). Далее вертикально располагался пест-терочник из гальки серой окремненной породы, напомина-

Рис. 1. Первая кладка перекрытия святилища на стоянке Эльген (снято с юго-запада).

ющий своей формой полусогнутую в поклоне фигуру человека, сидящего на подогнутых ногах. Сходство с человеческой фигурой усиливается еще и тем, что боковым сколом на верхнем усеченном торце древний мастер обозначил лицевую часть. На нижней трети гальки вкруговую нанесен пикетаж (рис. 2, Г; 3). Здесь прослеживаются оформленные точечной выбивкой углубления и бугорки, которыми, возможно, намечены детали одежды и обувь, что подчеркивает сидячее положение фигуры. Сигмаобразным углублением на тыльной стороне четко обозначена тазобедренная часть туловища (рис. 4).

Таким образом, довольно скромными приемами обработки пест превращен в примитивную скульптуру. Наибольший ее диаметр в сечении ок. 5 см, высота 12,5 см. Зашлифованная рабочая плоскость нижнего торца песта-терочника округлая, диаметром ок. 4 см, имеет наклон к вертикальной оси 10–12°. В одном месте на границе между рабочей плоскостью и боковой поверхностью с пикетажем сохранился жировой обуглившийся налет, свидетельствующий о каких-то манипуляциях, связанных с огнем. Здесь же были найдены мелкие фрагменты горелой бересты. Оставшаяся не тронутой пикетажем галечная корка заложена в результате длительного использования песта-терочника по назначению и имеет глянцевую поверхность.

Далее, как бы с тыльной стороны примитивной скульптуры, у южного борта могильной ямы на боковом ребре лежала плоская галька овальной формы (см. рис. 2, Е). С восточной стороны от этой группы артефактов с наклоном к борту могильной ямы располагалась продолговатая галька длиной 19,5 см и 5 см в поперечнике, с выщерблинами и следами шлифовки на торцах (рис. 2, А). Возможно, она использовалась как ложило. Рядом горизонтально помещался фрагмент керамики с отпечатками сетки-плетенки (см. рис. 2, Ж).

Если рассматривать описываемую группу артефактов из окатанных галек на общем фоне неупорядоченно расположенных плит кладки второго внутримогильного перекрытия, учитывая при этом, что три из шести предметов имеют искусственную подработку (сегмент гальки, поставленной на ребро скола; пест-терочник с пикетажем; продолговатая галька с выщерблинами и со следами шлифовки на торцах), здесь, несомненно, можно увидеть целенаправленное размещение предметов, обусловленное содержанием, предназначенным для определенного восприятия. Как известно, такие признаки определяют смысловую нагрузку термина “композиция” [Советский энциклопедический словарь, 1981, с. 622].

Прямых аналогов описанной композиции в Прибайкалье неизвестно. Но в археологических материалах Сибири и Дальнего Востока к настоящему

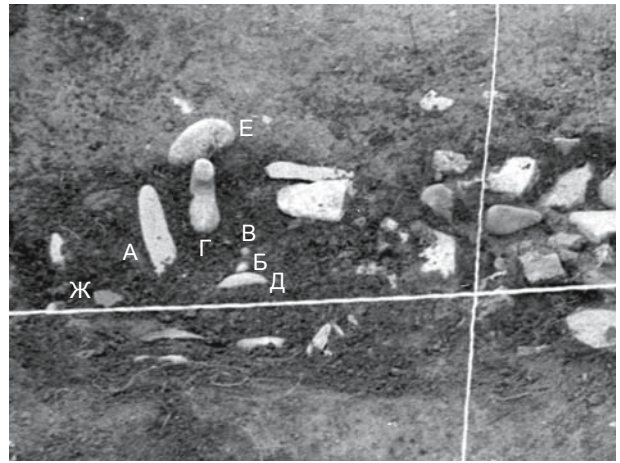

Рис. 2. Вторая кладка перекрытия святилища с ритуальной скульптурной композицией из артефактов в процессе раскопок на неолитической стоянке Эльген (снято с севера).

А – галька продолговатой формы; Б, В – шаровидные гальки; Г – пест-терочник с дополнительной обработкой пикетажем; Д – плоская галька на боковом ребре; Е – сегмент плоской гальки; Ж – фрагмент керамики.

времени имеется достаточное количество отдельных предметов-символов, по которым в более или менее полной мере можно интерпретировать семантику ритуального объекта на неолитической стоянке Эльген.

Близкой по функциональному смыслу к рассматриваемой композиции является коллекция вещей, найденных В.Д. Кубаревым у каменной стелы в долине р. Юстыд на Алтае и отнесенных к эпохе ранней бронзы. В ней имеются фаллической формы галька и два песта [Кубарев, 2004, рис. 4, 5]. Пест, как известно, является орудием хозяйственной деятельности человека. Очень важно также отметить, что такими орудиями пользовалась преимущественно женщина, ведущая домашнее хозяйство. Следовательно, здесь присутствует парная символика – мужское (фаллическая галька) и женское (пест) начала.

В Хакасии Л.Р. Кызласовым были найдены продолговатые гальки у подножия каменного изваяния, датированного энеолитическим временем. По заключению исследователя, эта фигура с гальками почиталась “хакасами, прежде всего, из-за мнимой ее магической силы избавлять от бесплодия женщин” [Кызласов, 1986, с. 129]. Но есть другая точка зрения: “...возможно, фаллические гальки у основания почитаемого в Хакасии изваяния были пожертвованы во время проведения древнейшего обряда плодородия, близкого по сценарию к ритуалу, некогда происходившему у мегалитических стел и оленных камней на Алтае, в Казахстане и Монголии” [Кубарев, 2004, с. 30].

Само название этого изваяния – Улуг-Хуртуяг-тас – “Большая каменная старуха” – не случайно и у

Рис. 3. Пест-терочник с дополнительной обработкой пикетажем и сколом. Святилище на стоянке Эльген.

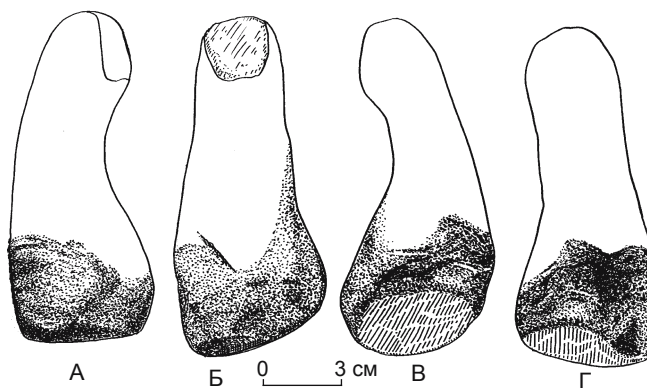

Рис. 4. Прорисовка пикетажа с четырех сторон на песте-терочнике. Святилище на стоянке Эльген.

шаманистов Хакасии, надо полагать, обозначает воплощенного в нее духа прародительницы, который в данном случае способствует сохранению и умножению рода, а значит, плодородию.

Исходя из приведенных примеров, при расшифровке семантики композиции на неолитической стоянке Эльген с большой долей вероятности можно допустить, что примитивная скульптура – пест-терочник (см. рис. 3) – с двумя плоскими гальками (см. рис. 2, Д, Е), ограничивающими пространство, в котором она заключена, обозначает материнское рождающее чрево, а продолговатая фаллическая галька в совокупности с двумя шаровидными (рис. 5) символизирует мужской детородный орган. Иными словами, ритуальная композиция из артефактов со стоянки Эльген по смысловому содержанию аналогична указанным выше археологическим памятникам из долины р. Юстыд и Хакасии, назначение которых, по мнению их исследователей, – способствовать плодородию.

Более наглядно парная символика прослеживается на гибридных скульптурных изображениях с неолитических памятников на Амуре. На глиняных лощилах совмещены символы фаллоса и вульвы [Медведев, 2001, рис. 7, 4; 8, 9]. Выделяются также скульптуры, которые трактуются как женщина-фаллос [Там же, рис. 2]. Среди гибридных есть предметы упрощенных форм, интерпретируемые В.Е. Медведевым как фаллические изображения, – глиняные стержни с поселения Сучу [Там же, рис. 10, 11]. Показательны на-

Рис. 5. Фаллическая и шаровидные гальки из святилища на стоянке Эльген.

блюдения исследователя относительно локализации данных скульптур в определенном месте. Многие из них были спрятаны под полом или в ямках в восточном углу жилища 4 (о-в Сучу), которое располагалось в непосредственной близости от святилища солнечного культа [Медведев, 1994]. Владельцем этого жилища, по заключению В.Е. Медведева, “мог быть человек, имевший особый социальный статус. Он занимался, видимо, отправлением культовых церемоний не только в земляном сооружении, но и в подведомственном, возможно, ему святилище” [2000, с. 68]. Сравнивая нижеамурские полиэйконические фигурки со скульптурами палеолитического времени (со ссылкой на работы З.А. Абрамовой и др.), исследователь связывает их с культом плодородия [Там же, с. 61].

Таким образом, изложенные выше археологические факты, свидетельствующие о наличии в неолите и более поздние эпохи скульптурных символов плодородия, подтверждают наши выводы о том, что композиция из артефактов в могильной яме на неолитической стоянке Эльген является ритуальной и связана с культом плодородия.

Этой идее соответствует парное изображение человеческих фигур, найденное между Базаихой и Торгашино на Енисее (рис. 6, 1). Однотипные по абрису антиподально расположенные фигуры отличаются одна от другой подчеркнуто выраженной разнополостью. Они отлиты из меди и, очевидно, хронологически далеки от композиции из артефактов на неолитической стоянке Эльген. Но не исключено, что этот предмет относится к эпохе энеолита.

По идее парности близки к неолитическим артефактам культового объекта со стоянки Эльген изображения двух человеческих фигур из погр. 18 Верхоленского могильника, вырезанные на роговой пластине (рис. 6, 2). Академик А.П. Окладников датировал их глазковским временем [1955, с. 285–286]. В них можно видеть или изображения близнецов, культ которых имеет глубокую древность, или разнополовых существ-супругов. В то же время А.П. Окладников ссылается в своей работе на исследования Л.Я. Штернберга, специально изучавшего мифологию первобытных и античных народов о культе близнецов и пришедшего к выводу, что парность ассоциируется не с близнецами, а с супругами [Там же, с. 305]. С учетом этого парное антропоморфное изображение из Верхоленска, видимо, представляет супругов, хотя здесь нет явных половых различий между фигурами. Правомерность такого вывода подтверждают другие артефакты, также опубликованные А.П. Окладниковым. Это два отдельных изображения человека из глазковского погр. 4 Усть-Удинского могильника, выполненные на пластинах из мамонтовой кости. Исследователь отмечает, что они имеют признаки разнополости [Окладников, 1950, с. 286–288]. По заложенной в них идее сочетания женщины и мужчины фигуры также близки к рассматриваемой ритуальной композиции со стоянки Эльген.

Но более показателен вариант парных антиподально расположенных изображений человеческих фигур в позе совокупления, которые выбиты на скалах, в т.ч. на известных петроглифах в бухте Саган-Заба на Байкале (рис. 6, 3). А.П. Окладников по этому поводу писал: "...речь идет не о какой-то эротической тематике в собственном смысле слова. В этих наскальных изображениях выражено стремление усилить магическими приемами производительную силу человеческой общины и природы, т.е. животного мира" [1974, с. 87]. Данный рисунок находится рядом с рогатоголовыми изображениями духов шаманов. Примечательно, что один из антиподов также рогатоголовый и, очевидно, по канонам шаманизма относится к сонму окружающих его изображений духов. Отсюда следует вывод о магическом значении рисунка с антиподально расположенными фигурами. Он обеспечивает силу магического правила – подобное вызывает подобное.

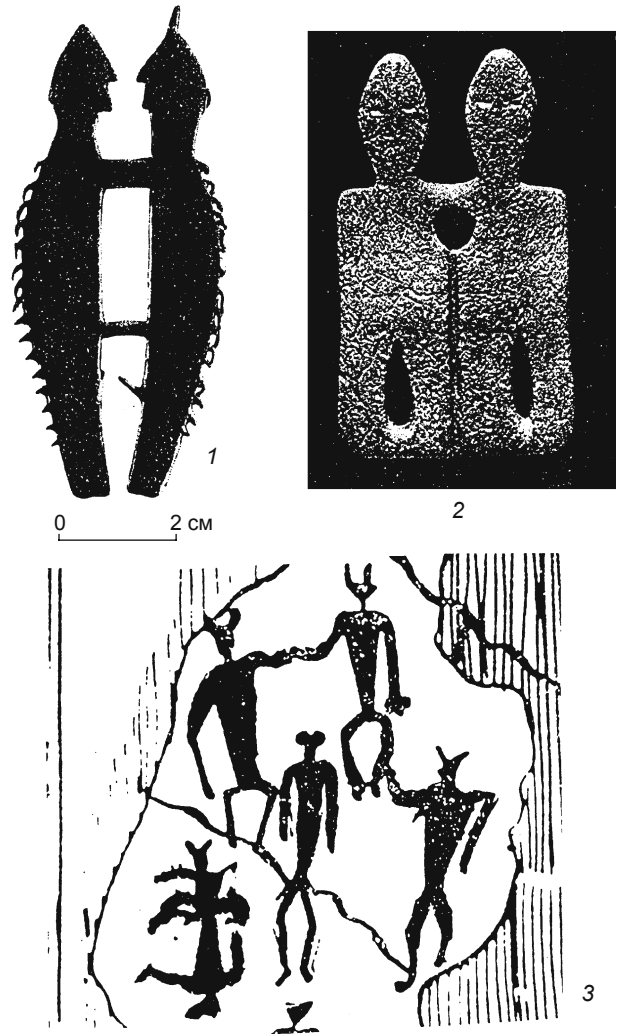

Рис. 6. Антиподальные антропоморфные изображения. 1 – парное изображение человеческих фигур из меди, найденное на р. Енисее, между Базаихой и Торгашино (по: [Окладников, 1955]); 2 – парное изображение человеческих фигур из рога, найденное в Верхоленске (по: [Окладников, 1955]); 3 – антиподальные фигуры рядом с рогатоголовыми изображениями духов на скале в бухте Саган-Заба.

Вся группа рогатоголовых изображений Саган-Забы датируется концом или серединой глазковского времени, ок. 1500–1300 гг. до н.э. [Там же, с. 74]. Но культовый объект на стоянке Эльген гораздо древнее этих петроглифов, о чем свидетельствует орудийный комплекс, найденный непосредственно в могильной яме. В западной ее части в слое (10–15 см) между первым и вторым уровнями плит перекрытия обнаружены торцовый нуклеус (рис. 7, 1), ножевидные пластины (рис. 7, 2, 3) и халцедоновый наконечник вытянуто-треугольной формы, оформленный двусторонней встречной струйчатой ретушью (рис. 7, 4). На глубине 40 см от основания верхней кладки около кусков скальной породы, которые покоились на

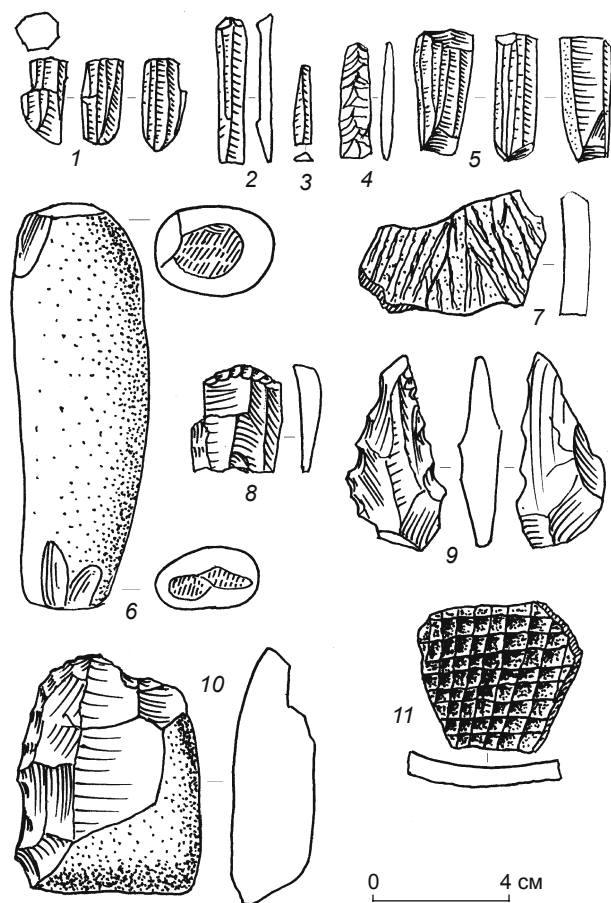

Рис. 7. Артефакты из святилища на неолитической стоянке Эльген.

дресвяной материковой почве (третий уровень внутримогильной кладки), находились торцовый нуклеус (рис. 7, 5) и крупный скол.

В восточной части могильной ямы около плит, стоящих с наклоном к горизонту и ограничивающих ее торец, сохранились два уровня кладки перекрытия. При разборке заполнения (галечник и темный гумусированный слой) у южного борта могильной ямы на глубине 20 см от основания верхней кладки найден пест из продолговатой гальки со сколами и шлифованными плоскостями на торцах (рис. 7, 6). Здесь же лежали фрагмент керамики с пересекающимися отрисками шнура (рис. 7, 7); скребок, оформленный крутой мелкой ретушью на овальном торце пластинчатого скола (рис. 7, 8); треугольный в плане пластинчатый скол с двумя режущими гранями и острой вершиной между ними, использовавшийся как проколка или провертка (рис. 7, 9). На глубине 40 см от основания первой кладки перекрытия найден чопер из яшмовидной гальки с лезвием, выполненным крупными, а затем мелкими сколами (рис. 7, 10).

По типологии вещественный материал из заполнения могильной ямы с ритуальной композицией и из

культурных отложений неолитической стоянки, перекрывающих эту яму, относится к периоду развитого неолита, соответствующего китайской археологической культуре [Асеев, 2004]. Для стоянки получены две радиоуглеродные даты по углю из очага с глубины 20–25 см от дневной поверхности (СОАН-5121) – 6130 ± 115 л.н.; с глубины 35–45 см (СОАН-5122) – 6790 ± 85 л.н. [Асеев, 2003в, с. 66].

Следовательно, временной разрыв между ритуальной композицией со стоянки в бухте Эльген и рассмотренным изображением антиподально расположенных фигур на петроглифах Саган-Забы достаточно велик. Тем не менее они имеют общее – парность. Как отмечал А.П. Окладников, “парный характер этих изображений дает право вспомнить о многочисленных двоянных изображениях антропоморфного типа у народов Сибири, связанных с шаманскими верованиями и культом” [1955, с. 304]. Этот факт находит многочисленные подтверждения в этнографии.

Известно, что у эвенков на жертвенных местах, на родовых святилищах, символизирующих вселенную, центральное место занимают изображения парных духов. Как пример супружеской пары можно отметить семейных идолов-покровителей – дзуолинов, – почитаемых шаманистами-нанайцами. У эвенков-орочонов существуют мужские и женские амулеты в виде изображений идолов-охранителей под общим названием “сэвэкичан”. Первый, согласно верованиям, помогает в промысле и содержании оленьего стада, а второй – во всех женских хозяйственных делах [Мазин, 1984, с. 27–28]. На Алтае кумандинцы и шорцы считали супружескими парами духов-ороченеров, способствующих деторождению в семье. Очевидно, такую же функцию выполняли парные изображения хозяина огня у западных бурят, именовавшиеся Сахалэ-Хатун и Сахядай-Убугун [Хангалов, 1958, с. 295–296]. Иногда духов-охранителей в образе человека или животного шаманы рисовали краской на материи и коже. Эти рисунки имеют много общего с петроглифами, в т.ч. и саган-забинскими [Там же, табл. II, фиг. 1, 2].

Если рассматривать петроглифы Саган-Забы с позиции религиозных воззрений, необходимо сказать, что А.П. Окладниковым (со ссылкой на исследователей-предшественников XIX–XX столетий Н.Н. Агапитова, Т.И. Савенкова, Б.Э. Петри, М.Н. Хангалова, П.П. Хороших и др.) отмечена их связь с шаманистским культом [Окладников, 1974, с. 17–20]. Прямым свидетельством этого являются материалы погр. 1 могильника Курма XI, полученные в ходе совместных раскопок в 2002 г. иркутскими и канадскими археологами. Здесь под кольцевым надмогильным сооружением выявлено грунтовое захоронение с пятью уровнями внут-

римогильных перекрытий, что сближает его с устройством котлована святилища из бухты Эльген. Примечательным является наличие в инвентаре погр. 1 могильника Курма XI ажурной бронзовой бляхи с рогатоголовым антропоморфным изображением, близким по абрису таковому на петроглифах Саган-Забы. Она хранилась в берестяном чехле. Это служит веским доводом в пользу вывода исследователей о том, что предмет использовался не как украшение, а как культовый, ритуальный и принадлежал шаману [Горюнова, Вебер, 2003, с. 111–113]. По нашему мнению, рогатоголовая фигура на ажурной бляхе может быть изображением духа предка ее владельца, захороненного в погр. 1 могильника Курма XI. Известно, что у бурят шаманом может стать каждый, но обыкновенно им “делается лицо, у которого между предками по отцовской или материнской стороне кто-либо был уже шаманом” [Хангалов, 1958, с. 370].

Саган-забинские скалы с петроглифами с функциональных позиций являлись святилищем, местом поклонения духам еще в бронзовом веке, поскольку основная часть наскальных рисунков относится именно к этой эпохе. Уже в этнографическое время окрестным населением здесь проводились общественные моления с жертвоприношениями, получившими название “тайлган”. При этом обязательными были жертвоприношение мясом животных, окуривание дымом пахучих трав, возлияния водкой и т.д. Один из таких обрядов на Байкале посвящался Уланхату (хозяину воды) и подробно описан М.Н. Хангаловым [1958, с. 114–121]. Тайлганы проводились в определенное время года на протяжении многих поколений. Их суть заключалась в призывании духов, обращении к ним с просьбой даровать благополучие населению данной местности, способствовать увеличению его численности и здравью, вплоть до правнуков, размножению скота и табунов и т.д. [Окладников, 1974, с. 34].

Культовый объект на стоянке Эльген с позиции своей целенаправленности, безусловно, более специфичен по сравнению с петроглифами Саган-Забы. Очевидно, он неоднократно использовался как святилище для определенных культовых отправок, если учесть, что между внутримогильными перекрытиями в заполнении из колотого и целого галечника с гумусом, содержащим вкрапления древесных угольков, на разной глубине найдены орудия, не подвергавшиеся воздействию огня. Назначение данного объекта, как нам представляется, было одно – способствовать плодородию и благополучию. Для совершения каких-то обрядов он мог использоваться в весенне-летний период, а также во время ледостава, когда проходила интенсивная ловля рыбы и охота на нерпу на Байкале.

Выводы

Рассмотренные культовые объекты стоянки Эльген – жертвенник и святилище – непосредственно связаны с погребальными сооружениями. В одном случае это надмогильная каменная кладка, в другом – котлован, по своему устройству копирующий могильную яму с тремя послойно расположенными в ней кладками перекрытия. Очевидно, представленную здесь композицию из артефактов с примитивной скульптурой можно рассматривать, согласно верованиям шаманистов, как вместилище духов предков, изображения которых периодически “угощали” и окуривали дымом. В данном случае уместно говорить о вере неолитического населения Прибайкалья в антропоморфных духов. Это подтверждается присутствием в материалах погребений эпохи энеолита парных или сдвоенных антропоморфных изображений, которые напоминают изображения шаманских духов в виде человеческих фигур у народов Сибири, в частности, на плащах шаманов у якутов и эвенков. Такие изображения известны по этнографической литературе как специальные духи-покровители семьи или рода. По сути, нашивные или помещенные в определенном месте жилища семейные идолы в образе человека – это иконография личного характера. И антропоморфные изображения на шаманских плащах, и семейные духи-покровители постоянно находились рядом со своими хозяевами. К духам-охранителям обращались за помощью, когда начинались болезни людей или имели место неудачи на охоте. А.П. Окладников, со ссылкой на А.Ф. Анисимова, писал, что семейные покровители или охранители почитались в тесной связи с воззрениями относительно покойников. Во время обряда “кормления” покойников изображения охранителей мазали кровью жертвенного животного, “угощали” жиром и костным мозгом. В каждое новолуние их как духов-предков семьи окуривали дымом горящего на углях или на раскаленном камне жертвенного жира. Такому же окуриванию эти изображения подвергали перед охотой на лося или дикого оленя, испрашивая у них удачу, а также обращаясь с просьбой о семейном благополучии [Окладников, 1950, с. 304].

Видимо, подобные религиозные отправления, соответствующие шаманистским тайлганам, существовали у населения Прибайкалья в эпоху камня. На это указывает наличие слоев термически обработанной гальки и вкраплений угольков в заполнении между плитами перекрытия в погребальном котловане на неолитической стоянке Эльген. В то же время орудийный комплекс в нем воздействию огня не подвергался. Артефакты, очевидно, подносились как жертвенные.

Список литературы

- Асеев И.В.** Неолитическая стоянка в бухте Эльген (Прибайкалье) – предварительные результаты исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 18–24.
- Асеев И.В.** Артефакты из разведочного раскопа в бухте Эльген (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003а. – С. 30–36.
- Асеев И.В.** Орудийный комплекс стоянки эпохи камня в бухте Эльген (Прибайкалье) – раскопки 2002 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003б. – С. 28–30.
- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла // Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003в. – 206 с.
- Асеев И.В.** Новое в неолите Прибайкалья – предварительное сообщение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 25–32.
- Бурятский шаманизм:** Указатель литературы (1774–1971). – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. – 69 с.
- Волков П.В.** Экспериментально-трассологическое исследование “топоров с ушками” // Изв. Сиб. отд-ние АН СССР. – 1986. – № 3: Сер. ист., филол., филос., вып. 1. – С. 45–49.
- Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 109 с.
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (озеро Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 110–115.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 175 с.
- Кубарев В.Д.** Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1(17). – С. 28–38.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 296 с.
- Мазин А.И.** Традиционные верования и обряды эвенков – орохонов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 197 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // Археологические открытия 1993 г. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177–178.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижне-амурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 56–69.
- Медведев В.Е.** Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 77–94.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, Т. 1. – 371 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, Т. 2/3. – 411 с.
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.
- Окладников А.П.** Олень Золотые рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Л.; М.: Искусство, 1964. – 239 с.
- Окладников А.П.** Исследования на Лене и Байкале // Археологические открытия 1971 г. – М.: Ин-т археологии РАН, 1972. – С. 277–278.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 146 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Верхней Лены. – Новосибирск: Наука, 1977. – 323 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы. – М.; Л.: Наука, 1959. – 145 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 166 с.
- Советский энциклопедический словарь.** – М.: Сов. энцикл., 1981. – 1600 с.
- Хангалов М.Н.** Собр. соч. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 550 с.

Материал поступил в редколлегию 31.01.05 г.